

Ю. Будникова

**К вопросу о диссертации В.А. Росова
«Русско-американские
экспедиции Н.К. Рериха
в Центральную Азию»**

Издательский Центр РОССАЗИЯ
Сибирского Рериховского Общества
Новосибирск 2009

От издательства

В 2007 году в Новосибирске состоялась повторная защита диссертации сотрудника Государственного музея Востока (Москва) В.А. Росова на соискание учёной степени доктора исторических наук. Предметом его исследования явились «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию, 1920 – 1930 гг.» — так называлась диссертация соискателя высокой учёной степени.

Многочисленные протесты учёных, занимающихся изучением Рериховского наследия, и мировой Рериховской общественности были, увы, проигнорированы Всероссийской аттестационной комиссией, и В.А. Росов получил искомое.

Свою позицию относительно данной диссертации Сибирское Рериховское Общество выразило в «Заявлении», текст которого был направлен в ВАК и опубликован на страницах журнала «Восход» (2007, № 4). СибРО выразило протест против попытки автора диссертации низвести деятельность Н.К. Рериха, носителя Мировой Идеи культурного строительства, до узкой роли политика, что в сущности является кощунством по отношению к великому мыслителю-гуманисту.

Настоящая работа Юлии Будниковой, научного сотрудника Санкт-Петербургского Музея-Института семьи Рерихов, представляет собой серьёзный разбор основных положений диссертации В.А. Росова. Написанная ярко и талантливо, статья показывает всю бесперспективность того подхода, который продемонстрировал В.А. Росов, применив мерки самых обыденных представлений к оценке личности и деятельности Н.К. Рериха — одного из величайших умов человечества.

Ю. Будникова

К вопросу о диссертации В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию»

Всегдашнее моё мечтание о культурном единении, о Знамени Мира невежды зовут утопией, а другие — труизмом.

Такой же труизм, как «Не убий», а земля посеяна черепами. Хороша утопия, когда после всех блужданий всё же пристаёт к берегу Культуры.

(Н.К. Рерих. Листы дневника)

Можно найти больше поносителей Учения среди примкнувших к Пути, нежели среди явленных врагов. Указали правильно на непонимания, которые наносят удары по Щиту.

(Мир Огненный III, § 261)

Человечество придаёт значение лишь тем понятиям, которые укладываются в сознании посредством посредственности, ибо оно облекает в своём сознании каждую форму соответственно. Почему же не привились все Высшие Понятия? Почему же столько искажений? Почему же так много умалений? Ибо, истинно, дух человеческих исканий и устремлений обращён вниз. Но задача Нового Мира пробудить сознание и вернуть миру предназначенный Облик Красоты. Творчество духа должно напрягаться именно к восхождению. Именно, не низводит Высшее, но подымать. Потому первым условием будет творить Образ Божий по Божественному. Когда человеческое сознание перестанет изображать Божественность по-человечески, тогда достижения духа будут огненны.

(Мир Огненный III, § 266)

Имя В.А. Росова хорошо и давно известно изучающим рериховское наследие у нас в стране и за рубежом. Инициатор периодических изданий «Рериховский вестник», «Ариаварта», «Вестник Ариаварты», автор книги «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» много работал в российских и иностранных архивах. К его мнению прислушиваются, его находок ждут и используют их в научной и просветительской работе рериховеды. Именно поэтому так резко и болезненно отреагировало сообщество рериховских организаций на концепцию, изложенную в докторской диссертации, которую учёный защитил осенью 2007 г. в Петербурге и перезащитил, по требованию научных кругов, желавших пересмотра результатов, в 2008 г. в Новосибирске.

Отправной точкой для своих построений В.А. Росов берёт термин «Новая Страна», не раз встречающийся в высказываниях Н.К. Рериха, в дневниковых записях Е.И. Рерих. До сих пор это определение, кажется, не встречало особых разночтений в среде изучающих рериховское наследие¹, т.к. ему неоднократно давалось толкование тем, кто, собственно, и ввёл это выражение в оборот (а этим лицом были вовсе не Николай Константинович или Елена Ивановна Рерихи). Речь идёт о махарадже Чарнойя, известном из работ самих Рерихов под именем Учителя Морией, с 1920 года ставшим для них наставником в деле осмысления многих духовных процессов, а также их руководителем во многих практических вопросах. В сотрудничестве с Учителем Морией был написан цикл книг под общим названием «Учение Живой Этики». Именно этот мыслитель в общении с Рерихами впервые применил выражения *Новая Страна* и *Великий (Мировой) план*, попавшие затем и в тексты Рерихов, и не раз давал их распространённое толкование. Конечно, и то и другое имело свои предполагаемые формы реализации в конкретной историче-

¹См., например, книгу К. Мяло «Звезда волхвов, или Христос в Гималаях».

ской действительности, но одновременно и прежде всего это — символы объединения человеческих сознаний в признании высших ценностей бытия, в правильном понимании основ жизни, символы законов поступательного развития человеческой личности и человечества в целом. А потому Учителем Морией не раз повторялась мысль: «*Построение Новой Страны может быть лишь в мировом понимании*» (Озарение, часть вторая, VI, § 7; дневники Е.И. Рерих, 08.06.24). Эти понятия не такие простые для осознания, и у самих Рерихов они претерпели эволюцию в сторону разноплановости, динамичности и обогащения смыслами. В дневниках Е.И. Рерих с 1924 года встречаются записи слов Учителя о том, что Новая Страна может строиться на духовном потенциале русского народа. Именно ради этого Махатмы Востока направили туда Рерихов, и последние пытались найти общий язык с большевиками и развернуть их в сторону осознания своей исторической ответственности: возможности обогатить коммунизм как принцип общинной собственности высоким общинным сознанием, основанным на принципе братской любви и внутреннего совершенствования. Относительно миссии Рерихов в СССР автором диссертации делаются необоснованные, развязные заявления вроде следующего: «Поразительно и другое — высказана мировоззренческая установка, которая опрокидывает старые взгляды: "Дела должны быть с большевиками"». Христос тоже имел дела с разбойниками и проститутками. И что? Во-первых, эта фраза никак не может квалифицироваться в качестве мировоззренческой установки. Мировоззрение — это совершенно другое, оно может быть, например, атеистическим или, наоборот, религиозным, научным и пр. Где у Росова основания, чтобы заявлять, будто в 1924 г. Рерих кардинально поменял своё мировоззрение? Во-вторых, автор диссертации пишет в кавычках слова, которые якобы доказывают эту смену мировоззрения, но слова-то эти даже не

рериховские, это общий пересказ «в двух словах» Зинаидой Фосдик того, что говорил художник, как она это поняла. А сетования на то, что «Зиночка» не поняла ей сказанного или поняла слишком упрощённо, мы встречаем в записях Рерихов не раз. Тон истины в последней инстанции при обращении к текстам сотрудников Музея Рериха в Нью-Йорке — чем диссертант широко пользуется — не очень оправдан. Их оценки и понимание событий отличаются такой же субъективностью и эмоциональной окраской, какие свойственны многим людям молодого возраста, едва примкнувшим к какому-либо движению. Уважаемый учёный вообще не раз применяет методы перетолковывания и выворачивания цитат наизнанку. Пример — на этой же, 68-й странице диссертации. Там приводится ещё одна цитата из книги Фосдик, но наполовину пересказанная своими словами. В оригинале (З.Г. Фосдик. Мои Учителя. — М., 1989. — С. 206) речь идёт о том, что Рерих советовал Зинаиде Григорьевне поговорить с представителями еврейской общины в Нью-Йорке (выходцами из России) на предмет того, чтобы в будущем перебраться работать в СССР, если там будет организован кооператив на Алтае. Что же получается у нашего автора? — «Рерих ведёт разговор со своими сотрудниками в музее. Самое важное — убедить народные массы, что в будущем их ожидает хорошая жизнь в "Новой Стране при кооперативе"» (с. 68). — Какие такие массы?! Еврейские? Американские? Советские? Это что, уровень разговора для доктора исторических наук?! И мы должны из такого пошиба обобщений делать «научно объективные» выводы о деятельности Рериха?

Или вот тоже хорошая фраза на с. 94: «Понятия Шамбалы и Майтрейи Рерихи напрямую связали с коммунистическими идеалами». На самом деле с точностью до наоборот! Следующее же предложение в диссертации об этом говорит. Росов цитирует самого Рериха: «Шествие коммунизма надо крепко спле-

сти с именем Майтрейи, ибо это истина». То есть всё-таки не Майтрейю опустить до коммунизма, а коммунизм надо поднять до Майтрейи и Шамбалы, иначе ничего хорошего у коммунистов не получится и они, отойдя от истины (точнее, не познав её), ввергнут народ и страну в пучину бед. Чтобы получилась жизнеутверждающая, стимулирующая рост общества идеология, коммунизм должен признать Учение Будды и Христа и не менее того — вот чёткая позиция Рерихов, от которой они нигде и никогда не отступали и которую пытались внедрить в сознание руководителей Советского государства на доступном им языке. Самое смешное, что диссертант приводит цитаты из рериховских текстов, не давая себе труда вдуматься в их смысл. Так и говорят параллельно все 400 страниц: Рерихи о своём, Росов — о своём.

В идеальном плане Новая Страна соотносима с Царством Божьим. Этому понятию много внимания уделено в книгах Живой Этики, и потому тем более изумительно, что диссертант, перечисляя в предисловии список работ, которыми он пользовался (а среди них есть и весьма сомнительного качества, вплоть до мемуаров каких-то чекистов-разведчиков и прочих тёмных личностей), не упоминает этого источника и ни разу в своей диссертации не ссылается на труд, являющийся основным делом жизни Рерихов и их «визитной карточкой» в глазах миллионов людей. В заключении, правда, автор диссертации говорит, что «в 1930-е годы, когда сделалось очевидным, что правительство СССР остаётся безучастным к проекту объединения азиатских государств, Рерихи выдвинули Учение "Живой Этики", которое содержало основы научного мирозерцания» (с. 364). Как будто до этого никаких основ научного мирозерцания в деятельности Рерихов не было, одна «утопия»! Это совершенно не отвечает действительности, т. к. первая книга из этой серии была написана ещё в 1921 году, и по приезде Рерихов в Москву речь

шла о распространении этих книг. Своему сотруднику в Ленинграде С.С. Митусову Рерихи передавали книги Живой Этики с 1924 года. Ко времени второй, т. н. Маньчжурской, экспедиции почти все книги этой серии были уже написаны и даже опубликованы. Именно распространение идей Живой Этики являлось целью политической работы Рериха. Как можно делать выводы о деятельности того или иного человека, анализируя в том числе то, что о нём говорили другие (подчас враги или недоброжелатели), но не анализируя при этом плодов его творчества, как будто творец и его творения существуют отдельно один от другого? Как будто в реальности сделанное творцом не говорит о нём и его задачах больше того, что кто-то смог усмотреть между строк, вычитал из частной переписки, косвенных намёков, культурных заявлений, домыслов и оценок третьих лиц. О какой «научной объективности», которую автор провозглашает своим методом, можно после этого говорить?!

В случае с Новой Страной произошло то же, что случилось две тысячи лет назад в Иудее, когда римские власти услышали о «Царе Иудейском» и поспешили его распять, боясь политического конкурента. Они просто не так поняли это выражение, перепутав Господа с политическим господством. Так же и наш исследователь усмотрел попытки создания политического образования там, где речь шла о духовном объединении, о качественно новом понимании основ взаимоотношений между людьми.

Н.К. Рерих явился одним из предвестников процесса глобализации, который означает отнюдь не государственную конгломерацию, а возможное объединение существующих политических и национальных структур на основе либо экономической необходимости, либо свободного принятия в качестве руководящих критериев общечеловеческих ценностей. У Рериха как раз не было никакой «инерции имперского мышления» (цитата из диссертации, с. 5), которой, увы, видимо, страдает автор, упорно

пытающийся увидеть имперские замашки в словах и действиях художника, из которых якобы следует желание формирования нового государства, не то объединяющего государства Азии, не то отрывающего от них куски, — полной ясности в этот вопрос диссертация так и не вносит.

Заявления автора вроде «в ходе... экспедиций... обнаруживается контекст идей, связанных с созданием нового государственного образования на территории Азиатской России и... сопредельных государств» (с. 5); «обе экспедиции... преследовали общую цель, которая заключалась в создании независимого "Сибирского государства"» (с. 32); «задачи обновления буддизма тесно смыкались с идеей строительства нового государства» (с. 32); или «предшественники Рериха» (с. 5), под которыми подразумевается, в частности, И.Ф. Бларамберг, предложивший завоевать Британскую Индию, — голословны. У Рериха не только никогда нигде не звучало предложений что-либо завоевать, с чем-либо политически объединить, но вообще в текстах, касающихся конкретной работы, ведшейся им в 1923 – 1936 гг. в азиатских странах и СССР, ни разу не встречается контекста создания нового государства. Конспирация? Но отчего тогда в рериховских записях и выступлениях, касающихся тех самых регионов, которые, как видится Росову, должны были войти в состав нового государственного образования, много говорится о строительстве *города, университета, храма, общины, кооператива*. Каждое из этих слов могло бы так же скомпрометировать Н.К. Рериха в глазах самых разных лидеров, с которыми он общался (например, «храм» в Советской России в период гонений на церковь и разрушения храмов, или «община» (по-английски *commune*) в Америке в разгар борьбы с коммунистами). Определение «государство» встречается в дневнике Е.И. Рерих в 1924 году, в котором она приводит слова Махатмы Мории об освоении алтайских земель: «Опять почти опустев-

шая страна получит чашу Славы. Занятые государства упустят рождение нового государства». Но к терминологии Учителя Мории надо относиться очень осторожно, так как часто слова употреблялись им в значении символическом, обобщающем. Страна — это сторона, край, область — вплоть до сферы духовной, а государство в данном случае предполагает, прежде всего, потенциал (что характерно, во многих европейских языках оно обозначается словом *potenza*), общность цели и единого руководителя, союз единомышленников (недаром он называет его «Священный союз»), скреплённый ожиданием Майтрейи. В 1934 г. прозвучало ещё слово «держава» (опять же в контексте единения народов на основе универсального мировоззрения), однако со словоупотреблением Махатм надо обращаться крайне осторожно и вдумчиво в плане философском и филологическом, чтобы не впасть в смешные крайности при их толковании. Недаром Живая Этика вызывает столько разночтений. Здесь менее, чем где-либо, применим формальный подход. Необходимо почувствовать духовную интенцию высказывания.

Диссертация так и не отвечает на вопрос, напрашивающийся сам собой: так чем же гуманисту и просветителю Рериху для осуществления своих высоких (на этом не раз настаивает диссертант) планов было удобнее и выгоднее создание новой империи? Ведь как ни крути, но это предполагало бы захват власти у существующих правителей (разве только они бы все умерли разом от какой-нибудь заразной болезни вкупе со своими политическими противниками) и уж точно её сохранение под бдительным оком четырёх разведок — английской, советской, американской и японской? Без вооружённого конфликта здесь было бы не обойтись. Почему он не мог работать, проводить наднациональные, надрелигиозные, этические, культурологические, научные взгляды в уже существующих, исторически сложившихся общностях? Неужели он был настолько наивен, чтобы не

понимать, что дело не в политическом строе, а в уровне сознания людей? Можно сколько угодно менять государственные границы и названия партий, но сознание людей будет оставаться таким же ветхим и дремучим. Думается, Рерих как раз прекрасно понимал, что можно и нужно говорить о научном мировоззрении, о духовных основах бытия и в демократической Америке, и в Советской России, и в странах Востока, находившихся тогда ещё на уровне феодальных взаимоотношений. Что он и делал. Духовный и политический лидер — понятия несовпадающие. Помощь в утверждении идеологического и даже политического союза государств и регионов («Священный союз Востока», федерация азиатских стран) и создание нового государства — явления не равноценные. Достаточно вспомнить о Христианском мире, который существовал в Европе несколько столетий. Это было, между прочим, очень монолитное и победоносное сверхгосударственное образование при сохранении суверенности каждой из европейских держав. И если бы мы задали любому из тогдашних европейских монархов вопрос: так кто же является вашим верховным вождём? — никто из них не дал бы другого ответа, кроме как — Христос. В тексте обращения к правительству Советской России говорится, что «идея Единой Азии является руководящей идеей, и очищенное учение буддизма даёт возможность проводить сближение самым искренним путём... Будда, как великая личность истинной общины, должен быть правдиво оценён» (с. 80). Не более того. Нужно иметь развитое воображение, чтобы из этой фразы вывести заключение о намерении создать новую империю и о вступлении Рериха в «Большую игру» (с. 81). Удивительно ещё, что Росов не назвал рериховское предложение о распространении монастырских грамот или выход в свет написанной им самим о себе статьи «Махатма Ак-Дордже» «политтехнологиями».

Из того, что Владимир Рерих служил у барона Унгерна, вовсе

не следует, что его старший брат Николай собирался стать бароном Унгерном № 2. Специфическая логика. Да, Азия, впрочем, как и Европа, представляла тогда собой кипящий котёл идей, но почему из наблюдения над японским милитаризмом, стремящимся к «союзу народов жёлтой расы», или над фантастическим романом генерала П.Н. Краснова «За чертополохом» о будущем русском царстве на Востоке должны следовать неперенные выводы, что Рерих хотел сделать так же и теми же способами? Метод анализа незатейливый — статистика совпадений: он посетил Японию, он тоже собирался к далай-ламе, упоминающемуся у Краснова, и т.п. В разные эпохи определённые идеи «носятся в воздухе», но степень искажённости их выражения и восприятия и формы их воплощения могут быть очень разными. В этом-то вся суть. Совершенно бесперспективно с научной точки зрения валить всё в один котёл. Диссертация, претендующая на звание докторской, начинает напоминать бульварно-исторические книжки наподобие «Тайн Третьего рейха»², где связанными с истоками нацизма объявляются вперемешку жена последнего русского императора, доктор Бадмаев, Е.П. Блаватская, Г. Гурджиев, только оттого, что они имели несчастье встречаться с людьми, впоследствии ставшими нацистскими идеологами (или друзьями идеологов, или быть немецкой национальности, как Александра Фёдоровна), или говорить какие-то вещи, отзвуки которых позднее в дико искажённом виде попали в нацистскую доктрину, которая, как метла, мела под себя все теории, имеющие отношение к происхождению человечества, психике человека, его скрытым возможностям и т.д.

Политическая деятельность такого плана, на которой настаивает Росов, могла бы только отдалить Рериха от основной

² Великие XX века. Тайны Третьего рейха / Автор-составитель В.В. Веденев. — М.: «Мартин», 2003.

деятельности и положить на его совесть грех пролития человеческой крови. (Чего стоит одно утверждение диссертанта, опять-таки никакими прямыми цитатами не подтверждаемое, что «у Рериха созревает собственный план — использовать имя и авторитет Панчен-ламы как знамя в религиозной войне буддистов» (с. 53), которую сам художник, как нам следует понимать, и намеревался затеять! Но получается так, что английская разведка ему помешала. Не иначе, как из соображений христианского человеколюбия.) У талантливого дипломата и общественника Рериха в работе Росова мало что остаётся от руководителя будущего государства, имеющего собственное мнение и знающего, что за ним высшая правда. Созданный историком персонаж скорее напоминает зайца, мечущегося от одного стана к другому, чтобы получить наибольшую выгоду для собственных целей, которые по виду (приданному им Росовым) мало чем отличаются от «больших» и «малых» политических игр японского, китайского, советского и др. правительств.

Те, кто внимательно читал Живую Этику, помнят, сколько раз там объяснялся тот факт, что потенциал того или иного расклада сил, на основании которого и делались «предсказания» Махатм, не обязательно означал, что эти возможности будут реализованы. Везде требовалась добрая воля людей и стремление к переустройству жизни. Ход исторических событий в 1920 – 1930-е гг. мог быть иным, в принципе, могли сложиться какие-то другие политические системы, это было более чем вероятно, и если бы Рериху действительно довелось принимать руководящее участие в государственной жизни тех или иных стран — нет сомнения, что он был бы на высоте поставленных задач. Морально он был готов к этому, но все его действия носили более широкий характер, это было именно планетарное строительство, а оттого эпитеты диссертанта, имеющие в русском языке совершенно определённый подтекст, вроде «просо-

ветские» или «прояпонские настроения», «военные интересы» Рериха, — снижают и унижают качество мышления, уровень сознания великого деятеля мира, лишь увеличивая количество кривотолков вокруг этого имени. Ну что, уж теперь нельзя ничьи достижения похвалить? Сразу ищутся в этом «интересы», «выгоды». А Рерих, вот, любил слово «искренне». Тоже, наверное, для какой-нибудь скрытой цели так выразался, не иначе!..

Диссертация полна химерических образований, начиная с первых строк. Надуманным представляется уже само название — русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию. Сами Рерихи свои экспедиции так никогда не называли, это выдумка автора. Название, с самого начала закрепившееся за первой из них (данное Рерихами), — Центрально-Азиатская экспедиция акад. Н.К. Рериха. Вторая традиционно называется (исследователями) экспедицией 1935 года в Монголию или Маньчжурской. И это вполне логично, т.к. экспедиции чаще всего называются по месту проведения и по имени руководителя. А где в таком случае должны проводиться русско-американские экспедиции? По какому принципу исследователь восемьдесят лет спустя самовольно стал придавать новое название известным фактам? По принципу гражданства лиц, финансирующих мероприятие? Флага, под которым шла экспедиция (но русско-го флага тогда вообще уже не было, только советский)? Национального состава участников? По любой из этих позиций можно оспаривать правомерность, достаточность (и главное, нужность) такого названия. В нём уже есть что-то неполноценное, отвлекающее внимание от сущностного наполнения. Так же, как и в заявлениях вроде следующего: «Рерих явился выразителем национальной идеи, осуществляя русскую утопическую мечту о "Новой России" (представления староверов о Беловодье)» (с. 5) — Ну как можно представления небольшой, к тому же маргинальной части общества объявлять «национальной идеей»?!

(Даже если они очень хороши.) И вот на таких пограничных с точки зрения здравого смысла заявлениях строится текст диссертации, претендующей на высшую степень по уровню видения исторических проблем. Если мы говорим о национальной идее, мы обязаны дать анализ движения общественной, религиозной, философской мысли в России, который, кстати, обнаружит много общего с высказываниями Рериха. Но этого же не сделано!

Ещё слабее с исторической точки зрения заявление о том, что «в 1920-е годы становится популярной теория Карла Гаусгофера о существовании "великой гобийской цивилизации Ариев"» (с. 34). И всё? Говорить, так говорить! Неужели автору не известно, что таких теорий, основанных на вольном прочтении текстов индийских и европейских санскритологов, а также мистиков и теософов в Австрии и Германии, в указанный период появились десятки, и трудно сказать, которая из них была популярнее, но в конце концов они все были введены в жёсткое русло нацистской идеологии, искавшей свои арийские корни в Центральной Азии. И при чём здесь «доктрина восточничества» (с. 33 — ещё одно расплывчатое новообразование автора)? И вообще, что это такое и кто её автор (ибо у любой доктрины есть автор)? Какая прямая связь между арийством Гаусгофера и панмонголизмом Соловьёва, докладной запиской П.А. Бадмаева о Китае, политическими проектами Пржевальского, политикой Агвана Доржиева в отношении России и, наконец, действиями Рериха в регионе Средней Азии? Они что, все «гобийскую цивилизацию» собирались строить? К чему вообще был этот пассаж во вступлении к диссертации, достойный школьного сочинения, когда разнородные явления объединяются на том основании, что везде фигурирует «Восток»?

Что касается безапелляционного утверждения о том, что у Рериха была концепция создания именно независимого государственного образования на территории Азии, то при ближайшем

рассмотрении новыми, доселе не доступными исследователям доказательствами в пользу этого, приводимыми Росовым, являются лишь дневники бесед Е.И. Рерих с Махатмой Морией, в которых обнаруживается одна запись, которая «ошеломляет» нашего исследователя, и тот факт, что, в сравнении с общедоступными до сих пор источниками, он нашёл новые документы, в которых говорится о неведомом до сего времени проекте «Канзас». В записи 1924 года, *ошеломившей* автора, Махатмами (не Н.К. Рерихом, которому приписывают постоянно инициативу создания нового государства!) используется выражение «вторжение в Тибет», но тут же добавляется «правильный путь приведёт к бескровной победе. Не Наш план из пушек стрелять» (с. 130), — так что вторжение может пониматься в плане скорее духовном, чтобы пробудить от летаргического сна страну, которая в него действительно погружалась. Планы поставки в страну самолётов из Германии, моторов из Америки (Форд) и «лазаретов для больных эпидемиями» не могут однозначно расцениваться как подготовка к войне, ибо все эти вещи нужны были бы отсталой стране для связей с внешним миром и развития хозяйственной жизни. А фраза «командование затем мобилизует лазареты ввиду военных действий на перевалах» потом вполне подтвердилась жизнью, когда каравану экспедиции пришлось не раз отбиваться от нападений разбойников, которых чрезвычайно много промышляло на горных перевалах. Речь могла идти и о боях с китайцами для отстаивания независимости самих тибетцев, но этого совершенно недостаточно для того, чтобы делать выводы о воссоздании Рерихом «исчезнувшей империи Чингисхана» путём «постоянного балансирования между мирными методами и вооружёнными конфликтами» (с. 130). Высказывание Мории того же года «давайте управлять областью от Алтая до Гоби» может рассматриваться с точки зрения того экономического плана «Белуха», который готовился для развития отсталой области, и

духовного руководства народами этого региона. Безосновательно связывать это с имперскими планами, когда в действительном развитии событий мы не находим даже близкого подтверждения таким предположениям. Всё, что приводит сам Росов, это высказывание из дневника Е.И. Рерих — «Содружество Майтрейи». Планы разработки недр малоразвитых азиатских районов Гоби и Такла-Макан также не могут сами по себе квалифицироваться как создание нового государства, но как открытие новых возможностей для преобразования жизни в этом регионе, в конце концов, для зарабатывания денег на содержание нового университета, о котором подробно пишется в диссертации. Употребляет же Рерих в 1935 г. для прессы название Новый Город — почему бы этими более реальными контурами не очертить рериховские планы? А вот «создание сибирского государства» — как сам же диссертант указывает — в анкете «Харбинскому времени» художник отрицал. Но это ничуть не смущает нашего автора: «Это вполне понятно. Отказ обусловлен инстинктом социального самосохранения» (с. 309). О, как это трогательно звучит и как напоминает тактику жителей нашей великой державы, которые сегодня — коммунистические идеологи, завтра — дьяконы, и всё *из инстинкта социального самосохранения*. Но только давайте не забывать, что Рерих был другой породы, не советской. Как мы помним, в том же Харбине он отвечал на вопрос журналистов, является ли он масоном, — отрицательно, а в ответ на патетический возглас «Во что веруете, господин Рерих?» — написал: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя...» и так далее весь Символ веры. Получается, что тоже врал «из инстинкта», ведь ему инкриминировали обратное? Не рискуем ли мы окончательно запутаться, если каждое высказывание художника будем толковать со знаком плюс или минус, как правду или ложь, в зависимости от того, насколько оно в наши схемы укладывается?

Что касается проекта «Канзас» — ничего, кроме того, что это организация кооперативного движения во Внутренней Монголии, ни в одном из найденных Росовым документов не сообщается. Но диссертант смело заявляет: «Потенциально проект "Канзас" связан с идеей создания монголо-сибирского государства в Центральной Азии» (с. 11). Затем слово «потенциально» как-то забывается, ступшёвывается, и остаются без всяких модальных наклонов заявления о том, что Рерих «планировал», «строил» и пр. Но ни одного рериховского текста, в котором развивалась бы эта самая «идея создания монголо-сибирского государства», исследователь так и не приводит, не найдём мы ничего подобного и ни в одной из рериховских книг. Более того, опять же вопреки рериховским определениям навязываются свои. На с. 334 приводятся строки Юрия Рериха из письма Э. Лихтман: «Начавшееся культурное строительство в Кан[засе] нельзя бросить», а на с. 340 диссертант, не моргнув глазом, рассуждает о «политической стороне проекта "Канзас", не говоря уже об элементах военных». В итоге про культурное строительство мы так ничего и не узнаём, а вот про то, как Ю.Н. Рерих делал заметки в дневнике о трёх проехавших японских машинах, рассуждается долго и настойчиво.

Так где она вообще существует, эта идея создания нового государства, кроме как в воображении уважаемого автора диссертации?! Он ссылается на «идеологию строительства Новой Страны» (с. 39), видя её принципы в книге Е.И. Рерих «Основы буддизма», в тексте «Напутствие вождю», который был дан не Н.К. Рерихом, как неверно указывает Росов, а Учителем Морией, но из самих этих текстов никак не может вытекать вывод о том, что их создатели к 1936 году собирались перекроить карту мира. Эти принципы должны быть учитываемы любым руководителем любого государства, если он хочет процветания и развития для своей страны. Сроки, указывавшиеся Учителем

Морией в личных контактах с Рерихами и не предназначавшиеся для широкой огласки, имели под собой совсем другие основания, абсолютно не совпадающие с манипуляциями лидеров разных держав. Вернее будет сказать, что, наоборот, реальные события политической истории были рябью (или эхом) событий более глобального масштаба, затрагивавших, прежде всего, духовный план человечества. Именно в этом масштабном противостоянии сил света и тьмы (вспомним, что до Второй мировой войны оставалось всего четыре года!) и участвовали Рерихи, руководимые своими наставниками. Идеологическая зараза расплзлась по всей планете, и именно с ней были призваны бороться Рерихи. Их империей должна была быть империя здорового духа. Приведём высказывания М.М. из книги «Сердце», опубликованной в 1932 году:

«176. Армагеддон уже начался — конец тридцать первого года открыл Великую Битву, о чём не скрывал от вас; потому не может быть сейчас окончания сражения до победного решения. <...>

180. <...> Великую решающую Битву нельзя понимать как только войну. Явление Битвы той гораздо глубже. Она протекает по всему Тонкому и земному миру. Она выразится не только в сражениях, но и в небывалых столкновениях народных. Границы между сражающимися будут так же извилисты, как между добром и злом. <...>

184. Явление прошлых походов человечества ничто в сравнении с Шествием Майтрейи. Утверждаю, что Великая Битва есть обновление Земли. Нужно понять грядущее не как сражение, но как подвиг. Можно ожидать не только боёв, как принято в обычном значении, но как перестроение жизни (подчёркнуто авт.).»

Вместо подобного масштабного видения задач мы на четырёхстах страницах читаем о создании какой-то страны, но так

ничего и не узнаём, какое в ней предполагалось административное управление, имущественно-правовые отношения, официальный язык, как бы решалась проблема межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных конфликтов. Единственная фраза, которая приводится из дневника Е.И. Рерих: «Новая Страна поставлена на помощи лам», — по мнению автора должна означать «отбор [населения] по религиозному принципу». Но её с тем же успехом можно понять в том смысле, что ламы — образованные буддийские монахи, а точнее, учителя буддизма — помогут просвещению народов Азии.

В диссертации так нигде отчётливо и не сформулирована конечная цель работы Рериха (если у бесконечного процесса вообще может быть конечная цель), а без этого затруднительно понимать логику действий художника и общественного деятеля. Ну не в том же она заключалась, чтобы образовать государство, пусть даже с таким вождём, как Рерих, сесть там на царство — и всё! Те процессы, развитию которых в человеческом сообществе помогали Рерихи, могли бы протекать в подобной форме (буддийского государства), она стала бы катализатором, но это был лишь потенциальный вариант работы. Он стал невозможен в силу исторических событий — начали применять другие формы работы (в том числе создание обществ Живой Этики по всему миру). Поэтому-то в 1936 году ничего и не кончилось, вопреки заключению диссертанта, а были посеяны тысячи зёрен духа, которые всходят уже несколько десятков лет и ещё сулят большие плоды именно в будущем. А всё потому, что это не была только политическая, преходящая работа. Её универсальность совершенно не рассматривается диссертантом. Ну не странная ли тенденциозность: были тщательно собраны все «голоса» (шпионы, предатели, какими оказались Л. Хорш, Э. Лихтман, министр Уоллес), все их мнения, вся грязь их мыслей без купюр была вывалена на страницы диссертации, а вот

«противоположной стороне» (Николаю Константиновичу и Махатмам) так толком и «не дали слова», чтобы объяснить, зачем же они всё это делали.

Если мы будем внимательно читать Живую Этику, то множество указаний может стать для нас «магическим кристаллом», в свете которого так же преобразятся и выстроятся в стройную цепь все действия Н.К. Рериха, который, как справедливо заметил В.А. Росов, ничего бесцельно не делал. Почему именно через кристалл государственного строительства надо освещать работу художника? А если мы применим следующее указание:

«18. Нарушение ритма [эволюции всего Сущего] происходит от многих условий, но существенный способ избежать этой пертурбации есть соборне обратиться к Нам, где решение всего. <...>

19. Если бы люди могли, хотя бы частично, чуют особенность момента, они очень помогли бы Нам. Уже не говоря о точном распознавании происходящего, но общее настроение уже усиливало бы волевой магнит (подчёркнуто авт.). Люди не дают себе отчёта, насколько бессознательное прозябание усложняет мироустройство» («Сердце»).

Разве не менее понятными в этом свете становятся все усилия Рериха (вплоть до уровня государственных руководителей) создать именно это «общее настроение», нарушить бессознательное прозябание, объединить множество людей вокруг имени Будды ли, Сергея Радонежского ли (знающие поймут, что это одинаково поможет)? Это по сути своей соборные, а не государственные действия.

Неоправданно небрежно для претендующего на звание доктора наук обращение с термином «утопия», который впредь употребляется то в бытовом смысле — «оторванный от жизни»; «нереализуемый», то в философском — модель государства, построенного на определённых принципах. Непонятно,

какое значение для автора главенствующее и в каком ракурсе этот концепт должен воспринимать читатель. В конце диссертации вроде бы начинает превалировать научное значение, и тут, конечно, был бы уместен сравнительный анализ «Государства» Платона, «Утопии» Т. Мора, «Города Солнца» Т. Кампанеллы и др., но диссертант этого не делает, уходя от единственного непротиворечивого и всеобъемлющего анализа Новой Страны — **метаисторического**, включающего в себя, безусловно, и отражения на плане конкретно-историческом. Осмысление строительства Новой Страны нигде не соотносится с понятием Мира Огненного в Живой Этике, ноосферы у Вернадского, пневмосферы у Флоренского и т.д., вплоть до бессознательного К. Юнга или Брахмана индийской философии, хотя лишь на этом пути можно осмыслить «мифотворчество» Рериха, как любит выражаться автор. И именно по этому плодотворному пути идут многие аналитики творчества Рериха.

Химерическая теория создания государства в Азии влечёт за собой множество последующих утверждений-химер: якобы Рерих ездил в Японию не с культурной миссией (намереваясь подключить её к Международному соглашению о защите памятников культуры), а для того, чтобы в условиях начинавшейся японской агрессии установить с ней союзные отношения, чтобы она не мешала ему создавать государство в материковой Азии. Этому нет ни одного документального подтверждения, но В.А. Росов прозорливо разгадал тайные намерения Н.К. Рериха. И всё в таком же духе. Из воздуха сотканые интерпретации того, зачем Рерих готовил Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (конечно, чтобы стать на короткую ногу с политическими лидерами Америки), зачем он собирал по всему Востоку легенды о скором приходе Мессии (ну конечно, чтобы себя им объявить!). При этом ни одного однозначного документального свидетельства,

одни персональные авторские трактовки текстов, которые «потенциально» могут иметь к этому отношение, «потенциально» могут быть поняты в таком разрезе. Все инициативы Рериха, направленные на то, чтобы разрядить обстановку в том или ином регионе миротворческими или консолидирующими миссиями, воспринимаются как скрытые попытки заручиться поддержкой конфликтующих сторон для решения собственных задач. Усилия найти общие основы в различных мировоззрениях для мирного сосуществования и развития трактуются как политическая конъюнктура и т.п. Приводятся достоверные факты, но в каком-то искажающем их внутренний настрой освещении. В.А. Росов, не переставая, убеждает нас, что задачи и цели у Рериха были самые возвышенные, но в трактовке автора они начинают приобретать черты, подозрительно напоминающие тот «новый мир», который строят то в одном уголке земного шара, то в другом вот уже два столетия творцы Французской революции, русской, китайской, корейской, кубинской, албанской и т.д. Рерихи на самом деле выдвинули множество по-настоящему новаторских идей, революционных по своей сути, но тем опаснее их редуцировать, снижать до плана политических и идеологических интриг, потому что тогда получаются карикатуры на животворные для человечества понятия. А, к сожалению, какая-то повышенная политизированность в толковании текстов и высказываний Рерихов и даже Махатм Востока у диссертанта постоянно ощущается. При этом не даётся ни одного объяснения тем буддийским понятиям, терминам и священным восточным символам, которыми оперировали Рерихи и их Учителя, работая среди населения стран Востока, таким образом, сущность их действий, манифестация их конечных целей не всегда может быть понятна читателю и даёт волю воображению в толковании. Каждое действие и утверждение Рерихов, действовавших в сотрудничестве с величайшими мыслителями Востока, всегда имело два плана:

взаимодействия с символическими образами и духовными накоплениями человечества и конкретного приложения сил, действия в соответствии со сложившейся расстановкой возможностей. Но надо чётко видеть внутренние процессы и внешние симптомы, а в анализируемой диссертации происходит постоянное смешение того и другого, сваливание в одну кучу, что объявляется «принципом историзма». Как пример можно привести рассказ о Панчен-ламе, который, согласно документам эпохи, приводимым Росовым, говорил о «священной жёлтой войне Шамбалы против неверных» (здесь и далее подчёркнуто Ю.Б.) Через несколько страниц Росов уже даёт свою характеристику событий: «Политика Панчен-ламы была нацелена на религиозные войны» (с. 63). Такая лёгкая подмена. «Примерно то же самое, но своими словами». — А смысл почти противоположный! Понятие священной войны имеет гораздо больше отношения к христианскому понятию духовной брани, чем, например, к резне гугенотов католиками или индуистов мусульманами, которые принято называть религиозными войнами. А чего стоят «тонкие наблюдения» над названиями рериховских текстов «Воины Света» и «Священный дозор»? Раз есть слова «воин» и «дозор» — значит, Рерих морально готовит бывших царских офицеров к войне (и уж, конечно, не священной, а с СССР).

Такой же тон глубокого непонимания сущности визита Н.К. Рериха к далай-ламе XIII звучит в каждой строчке описания подготовки этого события. Примерно так же можно было бы написать диссертацию о «политических амбициях» Святой Екатерины Сиенской, которая заставила папу Григория покинуть Авиньон, где институт папства в уютной роскоши прозябал под контролем французской короны, и вернуться в независимый Рим, чтобы возглавить духовную жизнь Италии и всего католического мира. Или о «политических притязаниях» Святой Терезы Авильской, которая обличала злоупотребления папского двора.

В конце диссертации есть такие слова, определяющие творчество Рериха: «В рамках исторического исследования можно только изложить миф, но ни в коем случае не следует давать ему категорическую оценку». То же самое можно сказать о росовском мифе: можно изложить его как существующий уже в чьей-то голове и литературе, но никакой категорической оценки он не выдерживает. На последней странице основного текста своей диссертации автор приводит строки из письма Ю.Н. Рериха: «Происходят великие перемены, и рождается Новая Страна» (22.06.1936), — и тут же, в следующем же предложении заявляет: «остаётся констатировать бесспорный факт. Идея "Новой Страны" у Рерихов осталась неосуществлённой» (с. 360). Да как же *бесспорный*, когда Юрий Николаевич утверждает, что она ещё только рождается, а Росов её уже в 1935 г. похоронил!

Есть какие-то тенденциозные «странности» в подборе В.А. Росовым материала для диссертации. В предисловии он заявляет, что собирается вписать деятельность Н.К. Рериха в широкий контекст исканий русской эмиграции 20 – 30-х годов прошлого столетия, при этом, по сути, останавливается лишь на поверхностном анализе второсортного романа генерала Краснова «За чертополохом» и харбинской эмигрантской периодики. И все искания? Не густо. Да как же можно обойти вниманием тот «кричащий» факт, что именно в те годы, когда Рерих особо активно выступал в искусстве и в общественной жизни с идеей *Нового Города*, в Париже выпускался крупнейшими мыслителями русской эмиграции журнал под таким же названием³! Вот уж где поистине общие идеи, «носящиеся в воздухе». Вот где подлинное зерно исканий лучших русских умов, независимо друг от друга приходивших к одному и тому же идеалу. Потому что

³ «Новый град», под ред. Г. Федотова, Ф. Степуна, И. Бунакова-Фондаминского.

нет сомнений, какой град подразумевали создатели журнала, а если мы начнём подробнее анализировать содержание статей, то увидим, как много общего было у их авторов с мировоззрением Рериха, с его социальными и экономическими инициативами, которым, кстати, немало страниц уделено в диссертации «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию».

Само по себе заключение о том, что идея Новой Страны переходит в разряд утопий, — нонсенс, так как она изначально к этому разряду принадлежала, вот только что под этим следует подразумевать — задача глубокого научного исследования, которое должно носить историсофский характер. Здесь может помочь понимание отношения феномена к ноумену. Русской научной мыслью много сделано в этом направлении, однако весь этот материал остался за пределами внимания автора диссертации. Как может перейти в разряд нереализованного проекта Великий план, если это символическое обозначение законов мироздания и развития общества? Как они могут перестать действовать в связи с изменением политической расстановки сил или в связи с предательством, которое совершил один из участников работы?

Подобные вопросы возникают постоянно при чтении диссертации, которая порой представляет собой захватывающий рассказ о многогранной деятельности Н.К. Рериха, проявившего в эти годы свой талант общественного деятеля, о реальных условиях его творческой работы, о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться, порой являет банальный общий обзор политического положения на Дальнем Востоке, в который автор стремится привнести «научной новизны», но в конце оставляет ощущение того, что скрытая пружина — идея сибирского государства, — которую автор предлагает в качестве движущей силы событий, не в состоянии поднять огромную

глыбу — жизнь и творчество Н.К. Рериха, а ещё менее — процессы рождения Нового Мира, как символически называет Живая Этика новое человеческое сознание и новые общественные взаимоотношения. Видя только верхушки этих айсбергов, очень опасно делать безапелляционные утверждения.

В.А. Росов, продираясь через дебри фактологического материала, которым он щедро закидывает читателя, иногда ощупью натывается на истинные цели деятельности Н.К. Рериха в Азии. В итоге всё-таки формулируются, очень поверхностно, некоторые из этих целей, и в этом предлагается видеть научный успех диссертации. Это тем более странно, так как об этих целях написаны тома у самих Рерихов, а некоторые дневники Е.И. Рерих, проливающие свет на сокровенные импульсы действий, предпринимаемых этой семьёй, Росов сам же и опубликовал! Но ни одной цитаты на эту тему не приводится. Автору доставило подлинное удовольствие первооткрывателя изобрести велосипед.

Выводы: Диссертация В.А. Росова значительно расширяет наше представление о масштабах деятельности Н.К. Рериха в Центрально-Азиатском регионе и высвечивает перед нами фигуру талантливого организатора не только культурной, но и хозяйственной работы, общественного деятеля, а также дипломата и политика, стремившегося к духовному объединению народов Азии, переживавших глубокий экономический и политический кризис в 1920 – 1930-е гг. Однако в диссертации смешиваются в одну искусственно созданную теорию разные процессы, в которых принимал участие Рерих: работа по восстановлению утраченного культурного единства Азии, консолидация духовных сил русской эмиграции на Дальнем Востоке и две попытки (в 1926 и 1935 гг.) создать экономические формации, обладающие значительной автономией и готовые, в частности, орга-

низовать вооружённую оборону, что было необходимо в той обстановке, когда власти на окраинах своих стран были не в состоянии обеспечить контроль за правопорядком и гарантировать сохранность жизни и имущества и требовалась самостоятельная организация защиты. Приведённых фактов не достаточно для того, чтобы говорить о том, что художник стремился к формированию нового политического образования имперского типа под собственным руководством, исходя из того понимания государства, которое дают современные политэкономия и политология. Многие из приведённых в качестве доказательств текстов носят явно символический и эсхатологический, а не узко политический характер. Одним из показательных примеров служит высказывание автора диссертации о серии картин «Его Страна», написанной Рерихом накануне Центрально-Азиатской экспедиции: «Это как бы утверждение идеи Великого Плана в живописи» (с. 72). Но для Росова «Великий План» — это исключительно политическая программа, а Его Страна (Новая Страна) — только геополитическое понятие. Да достаточно прочесть названия картин этой серии: «Книга мудрости», «Жемчуг исканий», «Ведущая», «Превыше гор», «Жар-цвет», «Сокровище Мира», «Сжигание тьмы», «Звезда Матери Мира» и др., — чтобы ощутить надуманность (чтобы не сказать бредовость) такого подхода. То, чем на протяжении многих лет занимался Рерих под руководством Махатм Востока и в Москве, и в Харбине, и в Японии, и в других местах, можно было бы определить так: придать политике человеческое лицо. Однако под пером диссертанта, не скупящегося на выражения вроде «Рерих как раз претендовал на роль вождя» или «видел себя лидером белого офицерства», эти устремления не всегда чётко прочитываются, вызывая естественную негативную реакцию. Давайте остановимся на том, что Рерих был тем, кем он был (а не тем, кем его хотят представить разномастные авторы, запрудившие совре-

менный «исследовательский рынок»), и постараемся воздержаться от комментариев, начинающих со слова «несомненно». Как говорится, не нам судить.

Очевидной грубой научной ошибкой В.А. Росова является игнорирование главного источника знаний о концепции Новой Страны, предложенной Рерихами руководителям Советского государства. Ни одного обращения к текстам книги «Листы Сада Мории» в его диссертации нет! (Зато через страницу — к донесениям таких авторитетных в духовных вопросах органов, как ЧК, американская разведка и т.п. — как будто этого достаточно, чтобы понять суть рериховских действий.) Что ж, исправим этот досадный промах. Просим читателей потратить время, чтобы ещё раз пройтись по страницам Учения Живой Этики, взглянув на его тексты под углом зрения Новой Страны. Возможно, что, читая прежде, мы что-то упустили. Диссертация «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха» заставляет нас всех ещё раз внимательно продумать этот вопрос. Будем считать это её основным успехом.

Листы Сада Мории. Книга первая. Зов

Лондон, 24 марта 1920 г.

...Народы восстанут и построят Новый Храм.

24 февраля 1921 г.

«Молитва дороги в сокровенную драгоценную обитель» <...>

2 марта 1921 г.

Надо учить устремлению в Мой Мир — Мир Духа Разумения.

31 марта 1921 г.

Сущие храмы создать надо на счастливой, чистой почве в России, в жизни вашей. <...>